

Регион Вандея и проблема «антипамяти»

Есина Юлия Григорьевна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: julieec@mail.ru

В современной науке особое место уделяется изучению соотношения истории и памяти. Сближению этих двух понятий способствовало введение выдающимся современным французским историком Пьером Нора и его единомышленниками концепта «места памяти» (*lieux de mémoire*). «*Всякое значимое единство, материального или иного порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности*»¹ – таково определение этого концепта. Местами памяти являются не только слова, но и слова «заветные», символы нации, исторические имена, памятники, кладбища, словари. Так, символическое значение для Франции имеет не только битва при Аустерлице, но и «История Франции» Лависса и Эйфелева башня, Марсельеза и биография Жанны д'Арк.

Однако наряду с понятием памяти возникает и противоположное ему «антипамять» (*antimémoire*), то есть то, что является важным для коллективного мнения в противовес официальным источникам и информации. Наиболее ярким примером, иллюстрирующим данный концепт, может служить формирование представлений о контрреволюционном движении на территории региона Вандея в конце XVIII в.

С точки зрения официальной истории, существовавшей на протяжении многих лет, Вандея традиционно ассоциировалась с контрреволюционным движением, а, следовательно, с реакционным, регрессивным направлением. Даже, несмотря на то, что контрреволюция охватила территорию большую, нежели сам регион, исторически сложилось, что в сознании людей контрреволюция неразрывно связана именно с Вандеей.

Тем не менее, в последнее время все больше внимания уделяется рассмотрению несоизмеримой жестокости республиканских войск при подавлении восстаний. Наряду с официальной, отрицательной оценкой восставших, в памяти народной запечатлелись свои герои, противостоявшие республиканцам. Оригинальность региона состоит в том, что Вандея находит свою идентичность в памяти исторической. С одной стороны, при воспоминании о роли Вандеи в революции прошлое этого региона забывается; с другой – в ней до сих пор живут традиции, которые обычно сохраняются в пределах максимум двух-трех старших поколений.

Одной из основных причин такой памяти является способность найти связь с, казалось бы, малозначимыми происшествиями, незаметными людьми, повседневной жизнью. Это объясняется, во-первых, тем, что после продолжительной войны народного характера осталось оружие, обмундирование, одежда, ставшие предметами культа, эмблемами. Свою роль сыграли любовь к истории или к безделушкам, а то и просто коммерциализация, в результате чего появились трубки, украшенные профилем Шаретта или Генриха де Ла Рошжаклена (лидеров монархического движения), статуэтки, литографии, эстампы, затем фотографии, открытки. Все эти вещи попадали в семьи вандейцев и приносили с собой память о прошлом.

Второй причиной такого постоянства памяти является то, что война была народной. Знаменитые генералы должны были опираться на капитанов из одних и тех же приходов, сельских жителей, жителей соседских деревень. Таким образом, презрение, например, к народной культуре могло происходить только со стороны врагов, поэтому еще больше ценился сельский мир и истории о простых людях. Из историй о крестьянах-солдатах, пожалуй, лучшей является история о Жаке Катлино. Так продолжают

¹ Нора П. Франция – память. – СПб., 1999 – С.79.

семейные традиции, что является третьей причиной сохранения памяти. Четвертой причиной можно считать то, что память хранили и противники вандейцев.

Проследив формирование понятия «Вандея как место памяти» на материале исторических хроник, а также художественной литературы (роман В. Гюго «Девяносто третий год», новелла А. Дюма «Бланш де Болье»), можно утверждать, что концепция «памятных мест» обязана сегодняшнему дню многим: среди прочего тем, что в ней нет места бессознательному. Напротив, в «Памятных местах» исследователей интересуют не те элементы бессознательного, которые, возможно, скрывает в себе память о том или ином символическом «месте», но лишь то, по какой причине это символическое «место» вошло в светлое поле сознания. П. Нора и его единомышленники рассказывают о том, что нация помнит, а не о том, что она стремится забыть.

Литература:

1. Chiappe, Jean-François. La Vendée en armes. P., 1982.
2. Martin, Jean-Clément. Blancs et Bleus dans la Vendée déchirée. P., 1987.
3. Géopolitiques des régions françaises (sous la direction d'Yves Lacoste). Tome 2 «La façade occidentale», P., 1986.
4. Les lieux de mémoire / Réd. de P. Nora: T. 1 «La république»
5. Гюго В. Девяносто третий год // Гюго В. Собрание сочинений в 15 томах. – М., 1956.